

Белоснежные, длинные пальцы гибко порхали по клавишам рояля. Юноша слегка прикрыл глаза, погрузившись в состояние блаженного транса, и казалось, под его руками оживала каждая нота...

— Не ожидал, что ты еще и на пианино играешь, да так мастерски, — раздался голос Чэнь Мэй.

Хан Цин открыл глаза и, поднимаясь с места, небрежно ответил:

— Я еще на скрипке умею.

А еще на эрху. Хан Цин и сам не понимал, с чего бы Хань Яо учиться играть на эрху. Все три инструмента вместе — сочетание более чем странное. Впрочем, это лишь доказывало: Хань Яо выбирал инструменты не из соображений престижа, он действительно любил музыку.

Чэнь Мэй посмотрела на него со сложным выражением лица:

— Ты и правда выдающийся талант. Боюсь, даже Сун Мин в твои годы вряд ли мог с тобой сравниться...

Хан Цин развернулся и выпрямился.

Цзян Моян стоял рядом с Чэнь Мэй и пристально смотрел на него. Точнее, его взгляд был прикован к пальцам Хан Цина, опущенным вдоль бедер.

Неужели в его руках было что-то странное?

Хан Цин почувствовал, что кожа под этим взглядом буквально горит. Цзян Моян смотрел слишком долго.

— Господин Цзян? — позвал Хан Цин.

Цзян Моян медленно отвел взгляд и посмотрел юноше в глаза:

— Почему не пришел ко мне?

— О чем вы?

— Когда случилась такая история, почему ты не обратился ко мне?

А, Цзян Моян об этом. О травле в сети, где его обвиняли в фальсификации. Хан Цин покачал головой и спокойно произнес:

— Это не такая уж большая проблема.

Не большая проблема? В душе Цзян Мояна вспыхнул гнев. Сун Мин открыто встал на твою

защиту! Ты можешь обратиться к Сун Мину, но не ко мне? Цзян Моян все больше убеждался, что слова юноши о соблазнении были лишь шуткой. Но чем яснее он это понимал, тем сильнее становилось его раздражение.

Хан Цин мельком взглянул на мрачное лицо Цзян Мояна. У злодея, похоже, плохое настроение, но его это, кажется, не касается?

Хан Цин повернулся к Чэнь Мэй:

— Сестра Чэнь, во сколько начало?

— Через два часа.

Это было популярное ток-шоу, сейчас как раз на пике рейтингов. Хан Цин, как восходящая звезда, конечно, должен был там засветиться. Несмотря на то что его участие в съемках сегодня было небольшим, пропустить программу он не мог. Он планировал использовать этот эфир, чтобы окончательно замять скандал с фальсификацией.

Чэнь Мэй покосилась на Цзян Мояна и смущенно проговорила:

— Нам пора выдвигаться. Ехать прилично, а еще нужно успеть на грим.

Хан Цин кивнул:

— Пойдемте.

Однако Чэнь Мэй не решалась сдвинуться с места, боязливо поглядывая на реакцию Цзян Мояна. Хан Цин невольно подумал: авторитет злодея в компании Синъян и правда внушает ужас!

— Идите, — наконец разрешил Цзян Моян.

Чэнь Мэй просияла и поспешила увести Хан Цина. Что толку в том, что она — ведущий агент Синъян? Что с того, что у нее есть доля акций? Перед Цзян Мояном это ничего не значило. Чэнь Мэй могла позволить себе обидеть кого угодно, но только не его — в присутствии Цзян Мояна она даже дышала через раз.

Цзян Моян провожал их взглядом, пока фигуры Хан Цина и Чэнь Мэй не скрылись из виду. Лишь тогда он обернулся.

Он подошел к роялю и, не удержавшись, медленно провел ладонью по клавишам. Те самые длинные пальцы юноши только что так ловко бегали по ним... Цзян Моян зажмурился, на его щеке вздулись вены.

Интересно... каково это, если эти руки коснутся его в интимном месте?

В этот момент раздался голос девушки:

— Г-господин Цзян?

Цзян Моян, чьи мысли были прерваны, с крайним недовольством оглянулся.

Девушка смотрела на него в замешательстве:

— Что вы здесь делаете, господин Цзян?

Он бросил на нее брезгливый взгляд и вышел из комнаты.

Секретарь, дежуривший снаружи, поспешил следом. Он поднял голову и посмотрел на спину начальника. Почему у господина Цзяна сегодня такая странная походка? Опять ударился ногой? Может, сходить купить амулет для него? Ой, нет, лучше не надо. Его самого трясет от страха, когда он стоит рядом с господином Цзяном, какие уж тут амулеты.

— Давайте поприветствуем нашего сегодняшнего гостя — Рыбу с восемью ногами. Да-да, вы не ослышались, это Хань Яо! — Как только ведущая закончила фразу, зал взорвался криками фанатов, едва не сорвав крышу студии.

Хан Цин держался куда спокойнее. В белой рубашке он выглядел как ожившая мечта любой девушки — принц фортепиано.

Он медленно вышел на сцену. В тот момент, когда ведущая увидела его вживую, в ее глазах промелькнуло восхищение.

— Наконец-то мы видим Хань Яо вживую! Он невероятно красив, у меня просто нет слов! — Ведущая пригласила его сесть.

Вспомнив вопросы из сценария, направленные на то, чтобы поставить гостя в неловкое положение, она почувствовала укол совести. Ей казалось, что любой, кто увидит Хань Яо в реальности, просто не сможет быть к нему суров. Ведущая мысленно вздохнула, но ради рейтингов и хайпа нужно было следовать плану. С улыбкой она начала с базовых вопросов:

— Мы так долго ждали этой встречи. Мне всегда было любопытно: какой университет выпустил такого талантливого певца? Или, вернее, такого гениального исполнителя?

— Истмен, — спокойно ответил Хан Цин.

Ведущая замерла, не сразу сообразив, что это за учебное заведение. Поскольку сегодня планировалось задавать провокационные вопросы, сценарий заранее не согласовывали, и она понятия не имела, где учился Хан Цин. В конце концов, хотя он и стал популярен, информации о нем в сети было крайне мало. Если бы не это, их программа вряд ли пригласила бы его ради

эксклюзивных подробностей.

Ведущая быстро справилась с замешательством и с деланной улыбкой произнесла:

— Какое необычное название, раньше не приходилось слышать.

По сути, она намекала аудитории, что Хан Цин закончил какой-то малоизвестный колледж. Хотя все знали, что он учился за границей, сейчас развелось полно «дипломов» из сомнительных вузов. Очевидно, вся съемочная группа была уверена, что Хан Цин — выпускник одного из таких мест.

Хан Цин остался невозмутим и не стал ничего объяснять. Скоро они сами поймут, насколько были невежественны.

Истмен. Полное название — Музыкальная школа Истмена при Рочестерском университете. Хан Цин назвал лишь сокращение. Дилетанты, конечно, не поймут, что это, но для профессионалов это имя звучит как гром. В прошлом году, когда составляли мировой рейтинг музыкальных вузов, именно Истмен занял первое место.

Не увидев реакции, ведущая даже немного разочаровалась, хотя не могла не признать: юноша был невероятно притягателен.

— Хм, я слышала, вы сами пишете музыку и тексты?

Хан Цин кивнул.

— Значит, вы владеете и другими инструментами?

— Да, — Хан Цин выдержал паузу и намеренно добавил: — Я играю на эрху.

Ведущая снова остолбенела.

Эрху?! Что это еще за диковина?

У всех зрителей, смотревших трансляцию, в голове всплыла картинка: старый слепой дед, сидящий на ветру, играет на эрху жалобную мелодию, выпрашивая гроши.

Ведущей показалось, что Хан Цин сошел с ума. Любой артист, который пытается создать себе имидж, первым делом заявляет о престижном зарубежном дипломе, затем — о владении элитарными инструментами, вроде рояля или скрипки. На худой конец — гуцинь, это сразу добавляет образу возвышенности и аристократизма, что так шло этому юноше! Но он выпалил — эрху!

Безумие!

Хан Цин переспросил:

— Эрху кажется вам чем-то странным?

Конечно, странным.

Но не успела ведущая ответить, как Хан Цин продолжил:

— Эрху — наш традиционный инструмент, и я всегда его любил. Чтобы освоить мастерство, мне пришлось долго упрашивать одного народного артиста, прежде чем он согласился взять меня в ученики.

Ведущая осеклась, не зная, что сказать. Как только прозвучали слова о традиционном инструменте, она внезапно осознала: то, что казалось нелепым и непрестижным, вдруг обрело совершенно иную высоту.

Это наше наследие.

Ведущая подумала об этом с легким трепетом. И все, кто смотрел трансляцию, невольно подумали о том же.

— Хотите, я сыграю для вас? — спросил Хан Цин.

Он поджал губы, на его лице появилась едва заметная улыбка — словно путник, прождавший много дней в стуже, наконец увидел редчайшее цветение ночного цветка... Зрители замерли, очарованные этой улыбкой. В их числе был и Цзян Моян, наблюдавший из угла, и Сун Мин, стоявший за кулисами.

Ведущая осторожно спросила:

— Можно?

— Конечно, — ответил Хан Цин и поманил Чэнь Мэй: — Я попрошу менеджера принести его.

Чэнь Мэй кивнула и со сложным чувством пошла за инструментом. Когда перед выходом Хань Яо попросил взять эрху, она решила, что он просто хочет почудить. Кто бы мог подумать, что это пригодится здесь...

Эрху поставили перед ним. Хан Цин осторожно взял инструмент, поправил его и взял в руку смычок.

Опустив взгляд, он тихо проговорил:

— Эрху появился в эпоху Тан, тогда его называли сицинь, а в эпоху Сун — цзицинь. — Хан Цин поднял лицо и улыбнулся: — Так звучит куда солиднее, правда?

Зрители в зале рассмеялись. Многие считали эрху менее изящным, чем гуцинь, и менее статусным, чем рояль или скрипка. На самом деле, дело было лишь в названии, которое не звучало так «возвышенно».

— Первое, чему я научился у того мастера, была «Луна над вторым источником». — Хан Цин повел смычком, и музыка через микрофон полилась в уши слушателей. Это не было фальшью — все видели, как он играет.

Вступление у этой мелодии печальное, его часто использовали в передачах и сериалах, и люди часто по привычке хотели улыбнуться, услышав его. Но Хан Цин вдруг прервал игру:

— Сегодня не будем её играть.

Он снова повел смычком, и зазвучала энергичная, мало кому знакомая мелодия.

— Это «Скачки», — тихо сказал он.

Темп нарастал, ритм становился быстрым. Настроение зрителей поднялось, некоторые начали невольно притопывать. Затем Хан Цин снова сделал паузу, и зазвучало нечто до боли знакомое — вступление из «Лян Чжу». От быстрого темпа к тягучей, нежной мелодии. Зрители в зале невольно закрыли глаза.

Ведущая была поражена. Она поняла, что юноша хотел показать разные грани эрху, и по реакции зала было видно, насколько они поглощены музыкой...

Хан Цин все рассчитал. Его участие было ограничено по времени, поэтому он уложился в две минуты. Когда он начал убирать инструмент, люди еще не успели прийти в себя.

Сотрудники забрали эрху, и только тогда зал взорвался аплодисментами, в которых чувствовалось легкое сожаление. Как хотелось бы послушать еще...

Ведущая перевела дыхание, пытаясь вернуть контроль над эфиром:

— Вы играете потрясающе! Не ожидала, что вы владеете этим инструментом...

Хан Цин неторопливо добавил:

— Помимо эрху, я немного играю на рояле и скрипке.

Услышав это, ведущая чуть не подавилась собственной слюной. Она поспешно улыбнулась, боясь, что Хан Цин снова спросит: «Хотите послушать?». Хотя ей очень хотелось, нужно было следовать сценарию, который и так уже трещал по швам.

— Вы невероятны! — сказала она.

В сети тем временем творилось безумие, лента была заполнена именем Хань Яо.

«Боже мой, вот он, мой идеал! Он еще и на эрху играет!»

«Когда он сказал про эрху, я хотел посмеяться, но увидев пренебрежительное лицо ведущей, почувствовал такую горечь... Он прав, это же наш традиционный инструмент!»

«О боже, он не только поет божественно, он еще и красавец, и на эрху играет круто! Примите мой поклон!»

«Оказывается, и на рояле, и на скрипке тоже! Как он небрежно это сказал — это так очаровательно!»

«Вдруг почувствовала себя никчемной по сравнению с ним, я недостойна быть фанаткой!»

«Он выглядит как серьезный мастер искусства... хотя такой молодой!»

Вскоре на известном форуме появились новые подробности.

«Хань Яо закончил Истмен! Это же музыкальный вуз номер один в мире! Боже мой, ведущая такая необразованная! Пыталась высмеять его колледж, а оказалось, что это мировой лидер! Это она сама — невежда!»

«Если Хань Яо такой крутой, стал бы он жульничать на шоу? Вам не кажется, что травля в последнее время была срежиссирована?»

«Подозреваю проплаченных ботов...»

«Плюсую!»

«+2!»

Ведущая, разумеется, не знала, что на нее уже повесили ярлык невежды. Она продолжала:

— Вам когда-нибудь говорили, что вы очень красивы? Не предлагали сниматься в кино? Мы все считаем, что с такой внешностью вы должны быть актером!

Хан Цин покачал головой:

— У меня нет актерского таланта, не хочу портить фильмы. Мне достаточно заниматься музыкой.

Ведущая была удивлена. Сейчас так много звезд, работающих на два фронта! С его данными попасть в кино было бы легче легкого. Но он отказался? Надеюсь, потом не придется пожалеть.

Улыбка ведущей стала шире, хотя внутри она волновалась — сейчас будет тот самый вопрос.

— Вы знаете, что в последнее время СМИ и платформы обсуждают вашу фальсификацию?

У всех, кто смотрел шоу, сердце ушло в пятки. Фанаты в соцсетях писали слова поддержки.

Хан Цин кивнул:

— Знаю.

Ведущая, глядя на его спокойствие, разочаровалась. Неужели он не разозлится?

— Вы хотите спросить, почему я не злюсь? — равнодушно переспросил Хан Цин.

Ведущую перебили, она осеклась:

— ...Да.

— Нет причин злиться. Истина всегда всплывет. Зачем мне фальсифицировать? Мне это не нужно. К тому же... — Хан Цин снова слегка улыбнулся, — если бы мои родители узнали, что я сжульничал, они бы в гневе выгнали меня из дома. Они не терпят фальши в искусстве.

У ведущей возникло нехорошее предчувствие, но она не знала, как ответить. Не дав ей опомниться, Хан Цин продолжил:

— В юности я думал, что вернусь на родину и добьюсь всего сам, не полагаясь на родителей. Но теперь я изменил свое мнение. Хотя я еще мало чего достиг, у меня есть фанаты, которые любят мою музыку. Пришло время заставить родителей гордиться мной.

Ведущая приоткрыла рот:

— Ваши родители — это?..

— Возможно, вы слышали. Мой отец — Хань Чжи, моя мать — Лян Сы.

Ведущая была в шоке. «Возможно, слышали»? Да их все знали! Это же артисты государственного уровня! Постоянные участники гала-концертов, люди, с которыми общаются высшие чины страны! Боже мой... Она не знала, смеяться ей или плакать. Интервью получилось взрывным, но совсем не таким, как она планировала! Весь сценарий рухнул.

С трудом сохранив лицо, ведущая закончила программу последними вопросами.

— Оказывается, вы из музыкальной династии. Что ж, неудивительно... — она переключилась: — От имени фанатов хочу спросить: Хань Яо, ваше сердце свободно?

До этого момента Цзян Моян не особо следил за разговором. Он не был ценителем искусства, а имена родителей юноши для него были просто звуком. Но в этот момент он невольно сжал кулаки, и дыхание его перехватило.

Затем он услышал ответ:

— Да.

Цзян Моян почувствовал себя рыбой, которая долго задыхалась без воды и наконец нашла её.

В то же самое время Хан Цин услышал в голове череду уведомлений:

— Отношение злодея повысилось на 5 очков!

— Отношение злодея повысилось на 5 очков!

— Отношение злодея повысилось...

Счетчик остановился на 35 очках. Хан Цин не понимал, почему злодей такой скупой, и почему очки растут так странно... Но это не портило ему настроения. С учетом прежних накоплений, всего вышло 55 очков. Это означало, что задание выполнено наполовину!

Ведущая спросила:

— А кто вам нравится?

Хан Цин ответил равнодушно:

— Мне нравятся только те, кто нравится мне.

Ведущая была озадачена, но поняла, что расспрашивать бесполезно. Впереди ждали другие гости, поэтому она улыбнулась и встала:

— Спасибо, что пришли на наше шоу. Общаться с вами было одно удовольствие! — она сделала особый акцент на последних словах.

— До встречи, — вежливо попрощался Хан Цин и ушел.

— А теперь давайте поприветствуем... — ведущая выдохнула, наконец-то вернувшись к сценарию. Но... она нахмурилась. Почему ей кажется, что их шоу послужило лишь фоном для Хань Яо? Это интервью не только не поставило его в тупик, но превратилось в его бенефис! Это ужасно!

Хотя Хань Яо был невероятно хорош, она больше никогда не хотела брать у него интервью. Ею так ловко манипулировали, что она чуть не забыла, что она здесь ведущая.

<http://bllate.org/book/21333/2164054>